

Густые темные тучи ожесточенно боролись с солнцем, не давая и маленькому лучику осветить землю. Воздух стал тяжелым, сухим. Пахло порохом и гнилью. На языке вдруг почувствовался металлический привкус своей же крови, постепенно заполняющий весь рот. Я сплюнул багровый сгусток на мокрую траву, вставил очередной магазин и продолжил огонь. Неистово болела грудь, словно мне проткнули легкие или резали их изнутри. Хотелось бросить оружие, лечь на сырую землю прямо под деревом, скрючиться и вопить на всю округу.

Одному из солдат, что стрелял из-за широкого клена рядом со мной, прострелили плечо. Истошный крик звучал не долго - очередь из нескольких пуль превратила его в обычного трупа с застывшим криком ужаса на лице. Из дырки во лбу тек ручеек крови, которую тут же впитывала земля. А ведь мы вместе спали в жуткие морозы под открытым небом в разорванных спальниках, вместе питались черствым хлебом и тухлой водой с хлоркой, вместе сидели у костра, рассказывая байки и вспоминая о родном доме...

Резко выйдя из укрытия, смог задеть одного из террористов. Тот сразу упал навзничь, сжимая кровоточащую рану. Тут же всадил очередь в другого, на этот раз удалось убить. Я достал новый магазин и спрятался за дерево. С оружием в руке легко отбирать жизни... Скольких сынов, отцов, братьев и мужей сегодня погибли? Их всех ждут люди, надеяться, молятся за их жизни, которые так легко прерывает свинцовая пуля.

Характерный звук раздался сбоку. Кто-то наступил на мину, поднимая куски глины и останки человека в воздух. Всюду слышались взрывы, выстрелы и крики.

Один из солдат рядом оповестил всех криком "Ложись, граната!", но было поздно. Все, что я успел - отбежать на пару метров вглубь леса и упасть на землю, прикрыв голову руками. Не помогло. Кажется, что-то прилетело сверху, или может, ударило сбоку... В ушах начало жутко звенеть, а после я отключился. Неужели вот так все закончится?

Жуткая режущая изнутри боль, ломота в теле и холод - первое, что почувствовал Дмитрий, перед тем, как открыть глаза. Множество ритмично плачущих приборов разместились по сторонам. К телу прикрепили разные трубочки и проводки, вызывающие дискомфорт и раздражение на коже. Постепенно зрение фокусировалось, а сквозь писк приборов слышались голоса.

— ...яние...валось...

— ...нужно к нему!

Сложно было повернуть голову, чтобы рассмотреть говорящих, но судя по тону кто-то спорил. Кажется девушка и мужчина, и при том совсем недалеко.

— ...Недолго....Ухудшиться...Покой

— ...ма... Дима!...Я!...Как ты себя чувствуешь?

Молодая девушка с пепельными волосами смотрела на Дмитрия, глаза были мокрым. Сейчас, со всем своим растерянным видом, поджатыми губками и горящими щечками она выглядела очень мило, у Дмитрия сразу возникла мысль, что она чем-то смахивает на мышку.

Мужчина хотел ответить, сказать хоть что-нибудь, но не мог. Боль, запах хлорки и даже горький привкус во рту уже не чувствовались. Он не понимал, что происходит, и это только

больше пугало. В глазах снова потемнело. Приборы вокруг начали тревожно пищать, что только подкрепило страх.

— Прошу, не закрывай глаза! Не бросай меня! Доктор, он не дышит! — Девушка пыталась держать себя в руках, но в конце перешла на истерический крик.

Доктор быстро отреагировал и приблизился к аппаратам. Нажав на пару кнопок, он подбежал к аппарату ИВЛ и ввел трубку в дыхательные пути. Дмитрий чувствовал, что задыхается. Он не мог сказать что-то, закричать или пошевелиться, ничего не видел, но слабо чувствовал прикосновения.

— Реаниматолога сюда, срочно. Пациент 114, резкое кислородное голодание, отсутствует рефлекторная активность, судя по всему кома. — Доктор нажал на какую-то кнопку, для вызова сотрудников. — Валерия, попрошу вас покинуть помещение — Теперь он обращался к девушке, стоящей перед Дмитрием.

— Что... Почему? Почему он впал в кому?! Это какая-то ошибка, этого не может быть... — Не понятно, разговаривала она сама с собой или возмущалась на "поставленный от балды" диагноз доктора, но за брата девушка переживала очень сильно. Из глаз медленно начали течь слезы, голос дрожал, а ноги подкосились.

Внезапно мужчина перестал вообще что-либо ощущать, это сильно пугало. Из всех сил Дмитрий попытался крикнуть, но этого не получилось. Он не чувствовал ни рук, ни ног, ни собственного языка...

— Не устраивайте истерику, я понимаю ваш шок, но этим ему не помочь. Пожалуйста, подождите в коридоре.

Обняв Дмитрия на прощание, Лера послушно вышла из палаты. Доктор последовал её примеру, судя по шаркающим звукам и захлопнувшейся двери. Вот он и остался один, наедине со своими мыслями. А они были беспорядочными, хаотичными, отчасти даже безумными. Уложить в голове последние события как-то очень трудно. Проносились фрагменты из мирной жизни, события войны, а затем и вовсе мечты о хорошем будущем. Как же долго Дмитрий не видел лица своей младшей сестренки. Столько теплых моментов было прожито вместе: забавные передраги, шуточные игры, посиделки вечером и разговоры по душам. Они хорошо дополняли друг друга: Лера помогала морально, а он физически. В трудные периоды жизни поддержка очень важна, именно Лера не давала увянуть в пучине тоски и переживаний.

Впрочем, на фронт он пошел дабы обеспечить сестру в материальном плане. Ведь после смерти родителей он стал единственным совершеннолетним в семье. Конечно, сейчас все немного поменялось - Лере недавно исполнилось 20, она давно устроилась на работу по своей специальности и даже сэкономила на квартиру благодаря еженедельным деньгам от брата.

[ЗАПУЩЕН ПРОЦЕСС ПЕРЕНОСА КВАНТОВЫХ ЧАСТИЦ СУБЪЕКТА. ИНИЦИЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ.]